

УДК 903.25
EDN GADONP<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕРХНЕМ ПОВЕТЛУЖЬЕ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА КУЗИНСКИЕ ХУТОРА

А. В. Акилбаев

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Россия
akilbaev.alexandr@yandex.ru

Аннотация

Введение. Могильник Кузинские Хутора содержит два культурных компонента. Первый связан с древнемарийской культурой, второй, более поздний, — с вымской. Материалы могильника позволяют сделать вывод как о контактах этих двух этносов, так и о связях Верхнего Поветлужья с древнерусскими территориями, Верхним Прикамьем, Волжской Булгарией.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили украшения из цветного металла, обнаруженные за все годы раскопок могильника Кузинские Хутора (2013 — 2021 гг.), а также условия проведения его погребального обряда. Сравнительно-типологический метод (формальная типология, поиск аналогий) позволил выявить вещи, связанные с внешним влиянием, и предположить пути и характер их поступления.

Результаты исследования и их обсуждение. Все изученные погребальные комплексы разделены на две группы, различающиеся по культурному происхождению: древнемарийские и вымские. Выделены четыре направления контактов населения, оставившего могильник Кузинские Хутора. Это взаимодействие марийского населения с представителями вымской культуры, западные, прикамские и южные связи. Выявлены особенности и хронологические рамки этих связей.

Заключение. Полученные данные позволили обозначить местные (прежде всего древнемарийские) и привозные украшения, а также с учетом имеющихся сведений о торговых путях и общеисторической ситуации в сопредельных регионах построить схему торговых и культурных контактов в Верхнем Поветлужье.

Ключевые слова: древнемарийская культура, вымская культура, могильник Кузинские Хутора, аналогии, украшения, погребальный обряд

Для цитирования: Акилбаев А. В. Этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере материалов могильника Кузинские Хутора // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 192 — 202. EDN GADONP

Original article

ETHNIC AND CULTURAL PROCESSES IN THE UPPER VETLUGA REGION: A CASE STUDY OF KUZINSKIE KHUTORA CEMETERY

A.V. Akilbaev

Vasiliev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola, Russia
akilbaev.alexandr@yandex.ru

Abstract

Introduction. Kuzinskie Khutora Cemetery contains two cultural components. The first one is associated with the ancient Mari culture; the second one is associated with Vym culture. The materials of the cemetery allow us to draw conclusions both about the contacts of these two ethnic groups, and about the connections of the Upper Vetluga region with the Ancient Rus territories, the Upper Kama region, and the Volga Bulgaria.

Materials and methods. The material of the research was nonferrous metal jewelry discovered during all the years of excavations at Kuzinskie Khutora Cemetery and its funeral rite. The comparative typological method (formal typology, search for analogies) made it possible to identify things associated with external influence, and to suggest the ways and nature of their receipt.

Results and discussion. All studied burial complexes are divided into two groups, differing in their cultural origin: ancient Mari and Vym. Four directions of contacts of the population that left Kuzinskie Khutora Cemetery were identified. This is the interaction of the Mari population with representatives of the Vym culture, western, Kama and southern connections. The features and chronological framework of these connections are revealed.

Conclusion. The data materials made it possible to designate local (primarily ancient Mari) and imported jewelry, and also, taking into account the available data on trade routes and the general historical situation in adjacent regions, to build a scheme of trade and cultural contacts in the Upper Vetluga region.

Keywords: ancient Mari culture, Vym culture, Kuzinskie Khutora Cemetery, analogies, ornaments, funeral rite

For citation: Akilbaev AV. Ethnic and Cultural Processes in the Upper Vetluga Region: a Case Study of Kuzinskie Khutora Cemetery. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(1):192—202. EDN GADONP

Введение

Могильник Кузинские Хутора расположен вблизи г. Шарья Костромской области на коренной террасе ручья, левого притока реки Ветлуги. Памятник открыт и изучался Марийской археологической экспедицией с 2013 по 2021 г. На сегодняшний день на территории 406 м² исследованы 48 погребений и 3 жертвенных комплекса, которые содержат большое количество погребального инвентаря. Кроме того, часть предметов была обнаружена в межмогильном пространстве или передана в музей местными жителями. Таким образом, собран достаточный материал для того, чтобы решить обозначенную проблему.

Обзор литературы

Впервые информация о могильнике Кузинские Хутора (материалы 2013 — 2014 гг.) появилась в публикации Т. Б. Никитиной [16]. В этой статье дана характеристика погребального обряда, вещевых комплексов и обозначен двухкомпонентный

характер памятника. Накопление данных привело к появлению новых статей — Т. Б. Никитиной, А. В. Акилбаева, А. А. Аристова, где рассматриваются погребальный обряд [19] и погребальный инвентарь [20]. Первая статья разделяет захоронения могильника на группы на основании особенностей обряда. Во второй статье указываются предметы, имеющие аналогии на других территориях. Отдельно рассмотрены жертвенные комплексы могильника [1], вновь, на основании дополнительных материалов, подтвержден двухкомпонентный состав памятника.

Материалы и методы

Материалом исследования являются условия проведения погребального обряда, украшения и элементы костюма, происходящие из раскопок могильника Кузинские Хутора за 2013, 2014, 2017, 2018, 2020, 2021 гг. и находки местных жителей на территории могильника, переданные в музей. Нами рассматриваются украшения, связанные с импортом или культурными контактами населения, оставившего указанный могильник, с другими территориями.

Изучение украшений в составе закрытого комплекса, костюма, позволяет не только датировать инвентарь погребений, но и проследить взаимосвязь привозных изделий и вещей, характерных для местного населения. Это особо значимо для определения механизма поступления предметов. Часто привозное украшение в костюме может иметь другие функции, иначе носиться по сравнению с территорией его происхождения.

В статье с использованием сравнительно-типологического метода сделана попытка выделить привозные украшения и установить характер их поступления на территорию Верхнего Поветлужья.

Результаты исследования и их обсуждение

Археологическое исследование могильника и, в частности, анализ погребального обряда позволили достаточно четко разделить все захоронения на две группы.

Первая, наиболее ранняя, связана с древнемарийской культурой. Это девять погребений (9, 10, 25, 32, 36, 45, 46, 47, 48) и три жертвенных комплекса: один — в погребении (в юго-западной части погребения 23) и два — в межмогильном пространстве (между погребениями 1 и 2). В плане обряда — это ингумация (один подтвержденный факт, один — спорный) или кремация (большинство могил). Возможно, к этой же группе относятся захоронения 31 и 35, чью принадлежность определить затруднительно.

Наличие древнемарийского населения установлено по двум признакам.

1. Погребальный обряд.

1.1. Кремация, при которой вещи разложены в порядке, приближенном к порядку ношения, завернуты с кальцинированными костями в одежду и опоясаны ремнем. Подобный обряд неоднократно фиксировался в материалах древнемарийских могильников [17, с. 76 — 79].

1.2. Наличие жертвенного комплекса в межмогильном пространстве, когда возвращенные в одежду из ткани, меха и кожи вещи опоясаны и уложены в берестяной туес. Такой комплекс относится к варианту III по классификации Т. Б. Никитиной. Он признается ею в качестве этнодиагностирующего элемента марийской культуры IX — XI вв. [13, с. 45 — 46; 16].

2. Наличие характерных украшений марийского костюма и способов их ношения.

2.1. Головной убор: височные кольца с отогнутыми концами, берестяной венчик, головная цепочка [4, с. 17 — 19].

2.2. Парные нагрудные подвески (трапециевидные, биконьковые литые, арочные) [4, с. 26].

2.3. Умбововидные и очковидные подвески в составе обуви [14, с. 135 — 136].

2.4. Сочетание перечисленных украшений с распространенными в средневековом марийском костюме вещами: ажурная округлая нагрудная подвеска (погребение 47), «глазовские» гривны (погребения 32, 36), граненые браслеты с кружковым орнаментом (погребения 10, 25, 47, жертвенный комплекс 2), «усатые» щитковые перстни (погребения 9, 10, 25, 45, 47, 48, жертвенный комплекс 2), грушевидный кошелек из бобрового хвоста (погребение 45).

В XI в. появляется новая группа погребений, связанная с вымской культурой. Это тридцать семь могил (1 — 8, 11 — 24, 26 — 30, 33, 34, 37 — 44) и один жертвенный комплекс (3).

Признаки этой группы объектов следующие.

1. Кремация с хаотично расположенными на разных уровнях вещами и кальцинированными костями.

2. Поломка вещей. Практически все предметы имеют следы порчи или воздействия огня.

3. Насыщенное межмогильное пространство, связанное, по-видимому, с тризнами и неглубокими жертвенными комплексами.

Указанные особенности погребального обряда находят аналогии в средневековых памятниках бассейнов Выми и Вычегды [21, с. 16 — 22; 22, с. 322]. Типичным инвентарем таких захоронений являются отдельные поясные накладки, пронизки, цепочки, привески от составных украшений, фрагменты железных предметов. Целых предметов крайне мало. Несмотря на то, что захоронения нового населения иногда перекрывают марийские, скорее всего, два этноса контактировали.

К взаимодействию двух народов можно отнести следующие особенности, зафиксированные по материалам могильника Кузинские Хутора.

1. Значение наборного пояса в костюме. На могильнике Кузинские Хутора наблюдается большое, по сравнению с основной территорией вымской культуры, количество элементов поясной гарнитуры. Для марийской культуры IX — XI вв. характерно частое ношение наборных поясов как мужчинами, так и женщинами [17, с. 86 — 87].

2. Больше, по сравнению с основной территорией вымской культуры, применение очкововидных и умбововидных подвесок. Однако материалы могильника не позволяют делать однозначные выводы о способах их ношения. Иногда в таких подвесках встречаются кожаные ремешки, что наталкивает на мысль об использовании их в качестве украшений обуви, по аналогии с марийской обувью IX — XI вв.

3. Наличие некоторых вещей волжско-финского облика: «усатые» щитковые перстни, фрагмент наконсника, имеющий аналогии в древнемарийских древностях, свернутые «глазовские» гривны (в марийских средневековых материалах они фиксируются в качестве браслетов на плече).

4. В погребении 23, в целом совершенном по обряду вымской культуры, имеется жертвенный комплекс вещей марийского облика: парные биконьковые под-

вески, височные кольца с отогнутыми концами, «усатый» щитковый перстень, дрововые браслеты с кружковым орнаментом. Этот комплекс можно трактовать как женский заупокойный дар. Такое явление не редкость в могильниках Вятско-Ветлужского междуречья.

Весь период функционирования могильника (как в марийской его части, так и в вымской) прослеживается влияние Прикамья, которое выразилось в ряде украшений: подвеска с изображением всадника (рис. 1, 1), биконьковые литые подвески (рис. 1, 2), арочные прорезные подвески (рис. 1, 3), украшенные ножны, некоторые височные подвески (рис. 1, 4) [6].

Отметим, что в марийских захоронениях эти вещи имеют особенности, которые фиксируются и на других синхронных могильниках древнемарийской культуры [2].

1. Прикамские украшения не составляют единого комплекса, они всегда встречаются с марийскими или другими волжско-финскими элементами костюма.

2. Вещи прикамского облика имеют другие привески, чем аналогичные из материалов Прикамья.

3. Прикамские украшения часто носились по-другому. Например, умбоновидные и очковидные привески на Верхней Каме редко применялись для украшения обуви, в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья их ношение не на обуви — редкость [5, с. 375].

Исходя из этих особенностей, украшения с Камы следует считать, скорее, культурным влиянием, возможно, связанным с этническими контактами. При этом не исключен импорт таких изделий посредством торговли непосредственно с территории Пермского Предуралья или посредством болгарских торговцев.

О характере происхождения прикамских вещей в вымских захоронениях сложно судить в силу фрагментарности и немногочисленности украшений. Они могли быть принесенными с основной территории вымской культуры или могли быть результатом марийского влияния.

Следующая категория — вещи западного происхождения — фиксируются в обеих группах погребений могильника. По характеру происхождения их можно разделить на два направления.

1. Предметы X — XI в.

Подкововидная фибула, происходящая из находок. Концы в виде многогранных головок, в средней части дуги находятся два многогранных выступа (рис. 1, 5). Схожие украшения с многогранными концами обнаружены в слоях Новгорода от X до середины XII в. [23, с. 86], в ярославских могильниках второй половиной X в., а также в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии в памятниках конца IX — первой половины XI в. [10, с. 161; 24].

Три подкововидные фибулы из жертвенного комплекса 1. Головки их выполнены в виде усеченной пирамиды со срезанными углами (рис. 1, 6). Аналогии происходят с территории Руси X — первой половины XI в., Финляндии с IX по начало XI в. [10, с. 181 — 182].

Лировидный кошелек из жертвенного комплекса 1, украшенный металлическими пластинами (рис. 1, 7). Такие изделия имеются в материалах Минино II и Тимерево [3, с. 79], в Скандинавии (Бирка, Готланд) [26, рис. 128, 1; 27, с. 315], в Танкеевском [7, рис. 53, 20] и Крюково-Кужновском [11, табл. XII, 2] могильниках, в Шестовице и Гнездове [25, с. 174, рис. 78].

Рис. 1. Вещи из материалов могильника Кузинские Хутора,
связанные с прикамским влиянием и западным импортом:
1 — погребение 18; 2 — погребение 23; 3 — погребение 25; 4 — погребение 31;
5 — находки местных жителей; 6, 7 — жертвенный комплекс 1

Figure 1. Items from the materials of the Kuzinsky Farm burial ground
associated with the Kama influence and Western imports:
1 — burial 18; 2 — burial 23; 3 — burial 25; 4 — burial 31;
5 — finds of local residents;
6, 7 — sacrificial complex 1

Из этой группы предметов можно назвать обрывки плетеной цепочки, завязанный щитковый перстень, фрагменты ножен меча и скрамасакса, некоторые другие изделия. Как и в более южных марийских могильниках, такие вещи связаны с активной торговлей по Волге и попытками проникновения Руси в Предуралье. Встречены в марийских захоронениях по причине отсутствия вымских комплексов XI в.

2. Предметы второй половины XI в.

Пластинчатые браслеты с расширяющимися концами из погребения 1 и экземпляр из подъемного материала (рис. 2, 1). Украшены орнаментом «волчий зуб». Они получили распространение в Ярославском Поволжье в XI — XII вв. [8, с. 237], на Кубенском озере во второй половине XI в. [9, с. 342, табл. 130, 10].

«Усатый» перстень без валика, с узким щитком (рис. 2, 2). Также украшен «волчьим зубом». Происходит из жертвенного комплекса в погребении 23. Аналогии встречаются в древностях эстов, латгаллов, земгаллов [23, табл. III, 8; CVII, 30; CXVI], во владимирских курганах, Ленинградской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Ярославской областях, Новгороде в слое XI в. [12, с. 267].

Завязанный перстень из погребения 25 (рис. 2, 3). Аналогии ему известны на территории Северной Руси, Прибалтики [12, с. 256 — 257], есть в памятниках Новгорода X в., в Финляндии и Швеции в X в. [24, с. 129 — 130].

К этой категории вещей относятся также некоторые другие украшения и европейские монеты. Они связаны с притоком нового населения в Костромское и Ивановское Поволжье, освоением северных и северо-восточных территорий, выходом на Сухоно-Вычегодский путь [15, с. 153 — 154].

Первое направление однозначно связано с импортом, второе может быть связано с миграцией населения, как это прослеживается по некоторым захоронениям Русенихинского могильника в Нижегородском Поволжье [18, с. 70]. Однако материалы Кузинских Хуторов не достаточны для выводов о приходе групп населения с запада.

Еще одна категория вещей связана с южным направлением. Стоит отметить небольшое разнообразие категорий таких вещей. К ним можно отнести только поясную гарнитуру (рис. 2, 4) и дирхемы (рис. 2, 5), но они встречаются на всем протяжении функционирования могильника.

У этих предметов есть некоторые особенности.

1. Практически все дирхемы пробиты.

2. Элементы поясной гарнитуры представлены различными типами. Целых поясов крайне мало. Большое количество накладок имеет аналогии кроме Волжской Булгарии на Верхней Каме, в древностях Руси и других территорий. Подробнее с аналогиями можно ознакомиться в статье Т. Б. Никитиной, А. В. Акилбаева, А. А. Аристовой [20].

Обращает на себя внимание слабость контактов с Волжской Булгарией. Ее влияние на более южные территории расселения средневековых марийцев значительнее [15, с. 149 — 152]. Вероятно, сравнительно слабые связи населения, оставившего могильник Кузинские Хутора, с Булгарией объясняются удаленностью этой территории от Волги и Нижней Камы. Можно предположить, что дирхемы и пояса попадали на Верхнюю Ветлугу транзитом через Нижнюю и Среднюю Ветлугу, через Русь или Верхнее Прикамье.

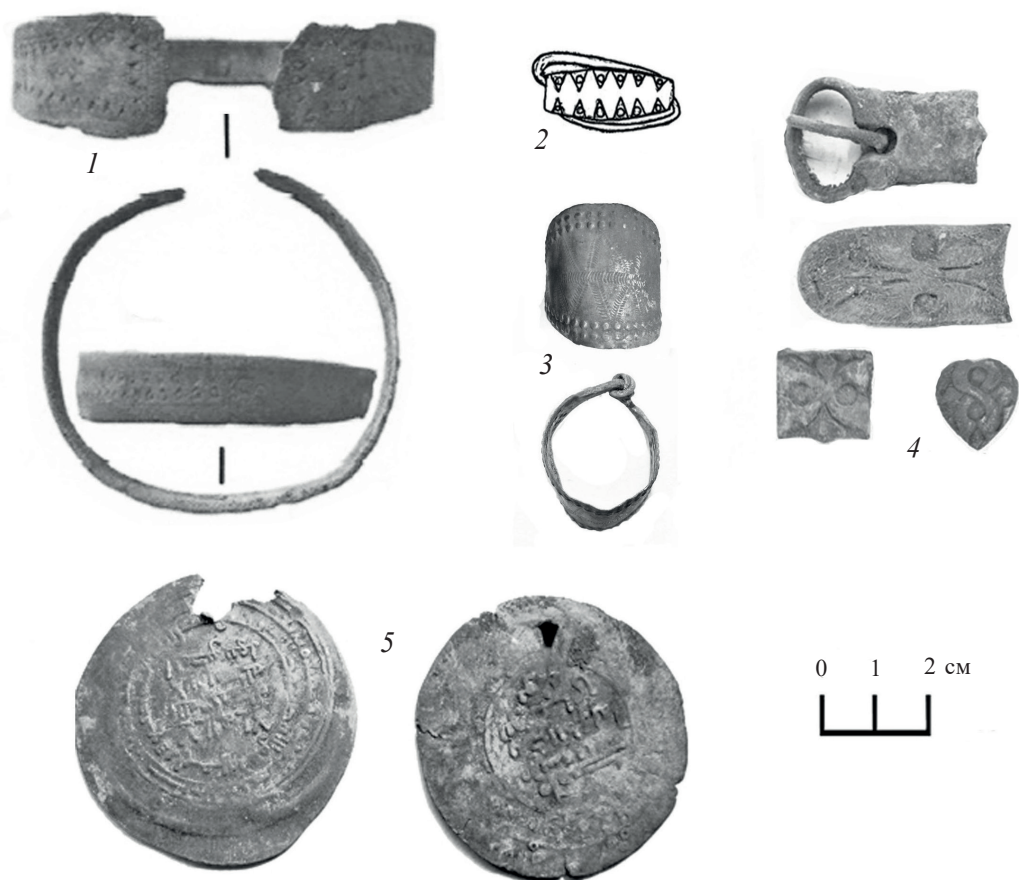

Рис. 2. Вещи из материалов могильника Кузинские Хутора, связанные с западным и южным импортом:

1 — погребение 1; 2 — погребение 23; 3 — погребение 25; 4 — погребение 46; 5 — погребение 29, жертвенный комплекс 3

Figure 2. Items from the materials of the Kuzinsky Farm burial ground related to Western and Southern imports: 1 — burial 1; 2 — burial 23; 3 — burial 25; 4 — burial 46; 5 — burial 29, sacrificial complex 3

Заключение

Таким образом, на примере материалов могильника Кузинские Хутора можно обозначить некоторые исторические процессы, проходившие в Верхнем Поволжье.

1. Взаимодействие марийского и вымского населения. Материалы погребения 23 свидетельствуют даже о смешении этих народов (XI в.).

2. Влияние прикамского населения (конец IX — XI вв.).

3. Эпизодические торговые контакты с западными территориями (X — XI вв.).

4. Влияние древнерусского населения, осваивавшего новые территории в восточном и северо-восточном направлениях (со второй половины XI в.).

5. Торговые контакты с южными территориями (конец IX — XI вв.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акилбаев А. В. Жертвенные комплексы могильника Кузинские хутора // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 192 — 200.
2. Акилбаев А. В. Прикамские вещи в материалах могильников IX — начала XII веков Вятско-Ветлужского междуречья // Переходные эпохи в археологии: материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 86 — 87.
3. Археология севернорусской деревни X — XIII вв. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / отв. ред.: Н. А. Макаров, С. Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
4. Архипов Г. А. Марийцы IX — XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 196 с.
5. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 603 с. (Археология Пермского края: свод археол. источников; вып. 1)
6. Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Козлов А. И. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий этнокультурных процессов I — II тыс. н. э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2010. Вып. 5. С. 106 — 121.
7. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии [(этапы этнокультурной истории)]. М.: Наука, 1992. 336 с.
8. Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Совет. Россия, 1967. С. 207 — 252. (Труды ГИМ; вып. 43)
9. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI — XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.
10. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Совет. Россия, 1967. С. 149 — 206. (Труды ГИМ; вып. 43)
11. Материалы по истории мордвы VIII — XI вв. Крюковско-Кужновский могильник [Дневник археологических раскопок П. П. Иванова] / ред. и вступ. ст. д-ра ист. наук, проф. А. П. Смирнова; Моршан. краевед. музей. Моршанск, 1952. 232 с.
12. Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Совет. Россия, 1967. С. 253 — 274. (Труды ГИМ; вып. 43)
13. Никитина Т. Б. Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 42 — 51 (Археология и этнография Марийского края; вып. 25).
14. Никитина Т. Б. Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. № 12. С. 132 — 141.
15. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): моногр. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
16. Никитина Т. Б. Население Верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 240. С. 124 — 140.
17. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX — XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань, 2012. 408 с. (Археология Евразийских степей; вып. 14)
18. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В. Древнерусские вещи в материалах Русенихинского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. С. 65 — 74.
19. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В. Погребальный обряд могильника «Кузинские хутора» IX — XI вв. // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 110 — 122.
20. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В., Аристов А. А. Погребальный инвентарь могильника «Кузинские хутора» // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 82 — 98.
21. Савельева Э. А. Вымские могильники XI — XIV вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 200 с.

22. Савельева Э. А., Истомина Т. В., Королев К. С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 299 — 349.
23. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X — XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
24. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. тома д-р ист. наук В. В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с. (Археология СССР; т. 17)
25. Моця О., Скороход В. Протоміста Подесення в процесі одержавлення регіону. Випуск І. Шестовицький археологічний комплекс. Київ: ІА НАН України, 2020. 228 с.
26. Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1940. 283 s.
27. Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. 1. Abbildungen der Grabfunde. Stocholm: Almqvist och Wiksell, 1995. [382 s.]

Статья поступила в редакцию 06.08.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

Информация об авторе:

Александр Владимирович Акилбаев, ведущий научный сотрудник направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5710-1158>, akilbaev.alexandr@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Akilbaev AV. Sacrificial Complexes of Kuzinskie Khutora Cemetery. *Archeology of the Steppes of Eurasia*. 2021;(2):192—200. (In Russ.)
2. Akilbaev AV. Kama Things in the Materials of Cemeteries of the IX — Early XII Centuries of the Vyatka-Vetluga Region. *Transitional Epochs in Archeology*. Proceedings of the XIX Ural International Archaeological Conference. Syktyvkar;2013:86—87. (In Russ.)
3. The Archaeology of Northern Russian Village in X — XIII Centuries. Moscow;2008;2. (In Russ.)
4. Arkhipov GA. Mari People in X — XI Centuries. To the Issue on the Genesis of People. Yoshkar-Ola;1973. (In Russ.)
5. Belavin AM, Krylasova NB. Ancient Afkula: Archaeological Complex near the Village of Rozhdestvensky. Perm;2008;1. (In Russ.)
6. Belavin AM, Krylasova NB, Kozlov AI. Urals Materials in the Medieval Antiquities of the Vetluga-Vyatka Region (Commentary on the Ethnocultural Processes of the 1st — 2nd Millennium AD). *Materials and Research on the Archeology of the Volga Region*. Yoshkar-Ola; 2010;5:106—121. (In Russ.)
7. Kazakov EP. Culture of early Volga Bulgaria. Stages of Ethnocultural History. Moscow;1992. (In Russ.)
8. Levasheva VP. Bracelets. *Study on the History of the Russian Village in X — XIII Centuries*. Moscow;1967;43:207—252. (In Russ.)
9. Makarov NA. Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Rus in the XI — XIII Centuries. Archaeological Site Materials on the Portages of Beloozero and Onega Regions. Moscow;1997. (In Russ.)
10. Malm VA. Fibulae in the Form of a Horseshoe and a Ring. *Study on the History of the Russian Village in X — XIII Centuries*. Moscow;1967;43:149—206. (In Russ.)
11. Smirnov AP. On the History of the Mordovians of the VIII — XI Centuries. Kryukovsko-Kuzhnovsky Cemetery. *Archaeological Diary*. Morshansk;1952. (In Russ.)

12. Nedoshivina NG. Rings. *Study on the History of the Russian in Village in X — XIII Centuries*. Moscow;1967;43:253—274. (In Russ.)
13. Nikitina TB. Sacrificial-Commemorative Complexes As an Ethno-Determining Feature of the Funeral Rite of the Mari in the Middle Ages. *Antiquities of the Volga and Kama Regions*. Yoshkar-Ola;2001;25:42—51. (In Russ.)
14. Nikitina TB. Costume of the Volga Finns of the Pre-Mongolian Period: General and Special. *Works of Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2017;(12):132—141. (In Russ.)
15. Nikitina TB. Mari People in the Middle Ages (Based on Archaeological Materials). Yoshkar-Ola;2002. (In Russ.)
16. Nikitina TB. The Population of the Upper Reaches of the Vetluga River at the Beginning of the 2nd Millennium AD: New Proceedings. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015;240:124—140. (In Russ.)
17. Nikitina TB. Burial Monuments of Volga-Vyatka River System. Kazan;2012;14. (In Russ.)
18. Nikitina TB, Akilbaev AV. Old Russian Things in the Materials of Rusenikhinsky Cemetery. *Works of Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2014;(9):65—74. (In Russ.)
19. Nikitina TB, Akilbaev AV. The Funeral Rite of Kuzinskiye Khutora Cemetery of the IX — XI Centuries. *Finno-Ugric Studies*. 2020;(61):110—122. (In Russ.)
20. Nikitina TB, Akilbaev AV, Aristov AA. Funeral Inventory at Kuzinskiye Khutora Cemetery. *Volga River Region Archaeology*. 2019;(4):82—98. (In Russ.)
21. Savelyeva EA. Vym Cemeteries of XI — XIV Centuries. Leningrad;1987. (In Russ.)
22. Savelyeva EA, Istomina TV, Korolev KS. Perm Vychehodskaya. *Finno-Ugric Peoples of the Volga Region and the Urals in the Middle Ages*. Izhevsk;1999:299—349. (In Russ.)
23. Sedova MV. Jewelry of Ancient Novgorod (X — XV centuries). Moscow;1981. (In Russ.)
24. Finno-Ugric and Balts in the Middle Ages. *Archeology of the USSR*. Moscow;1987;17. (in Russ.)
25. Motsia O, Skorokhod V. Proto-Towns on the Desna River in the Process of Governmentalization of the Region. Kiev;2020;1.
26. Arbman H. Birka. 1. Die Gräber. Uppsala;1940.
27. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands 1. Abbildungen der Grabfunde. Stocholm;1995.

The article was submitted 06.08.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 17.10.2023.

Information about the author:

Alexander V. Akilbaev, Leading Researcher in Archeology of the Vasiliev Mari Research Institute of Language, Literature and History (44 Krasnoarmeyskaya Str., Yoshkar-Ola 424036, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5710-1158>, akilbaev.alexandr@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.